

УДК 94(470.40/43)"1918/1920"

**КРЕДИТНАЯ И ССУДНО-СБЕРЕГАТЕЛЬНАЯ
КООПЕРАЦИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ
«ВОЕННОГО КОММУНИЗМА» (1918–1920 гг.)**

Р.А. Мухамедов

Аннотация

В статье раскрываются основные проблемы, с которыми столкнулось кредитно-кооперативное движение в годы Гражданской войны в России, показываются особенности работы ссудно-сберегательных и кредитных кооперативов в период разрухи и хозяйственной дезорганизации, также исследуется деятельность средневожских властных структур в период реализации в кооперативном движении военно-коммунистических основ ведения хозяйства.

Кредитная и ссудно-сберегательная кооперация в России до революции была очень развита. Большинство индивидуальных крестьянских хозяйств имело с кооперативами тесные связи, кооперации в регионе принадлежали мелкие и средние предприятия, перерабатывающие в основном сельскохозяйственную продукцию. Кооперативы также осуществляли доставку товаров в села, торговлю и многое другое.

В период правления Временного Правительства после Февральской революции некоторые союзы кредитных товариществ открыто на своих съездах поддержали политику большевиков, о чем свидетельствует, например, постановление съезда Союза кредитных и ссудно-сберегательных товариществ, состоявшегося 26 мая 1917 года в городе Балаково. Из принятого постановления видно, что руководство Средне-Волжского Союза, а также ведущие члены правлений кредитных и ссудно-сберегательных товариществ *в мае 1917 года прочно стояли на большевистских позициях.*

Принятое постановление практически полностью повторяло позицию партии большевиков, включавшее следующие пункты: установление рабочего контроля над фабриками и заводами; немедленное введение твердых цен на предметы и товары, потребляемые крестьянским населением, с последующим распространением их через кооперативы; введение трудовой повинности для промышленников; установление секвестра всех сверхприбылей промышленников и банков (что практически означало их национализацию); ввоз из-за границы сельскохозяйственных машин вместо ввоза предметов роскоши (требование партии эсеров); установление прогрессивного налога на имущество и капиталы (требование партии меньшевиков); введение всероссийской карточной системы

на продукты потребления первой необходимости; скорейшее прекращение войны¹.

Сильнейший, уничтожающий удар по кредитной кооперации большевистский Совнарком нанес, национализировав Московский Народный банк. Для того чтобы это понять, рассмотрим его сущность и назначение для дореволюционной ссудно-сберегательной и кредитной кооперации. Прежде всего, особая вредоносность принятого решения заключалась в том, что Московский Народный банк ни *одной акции не размещал в частные руки*.

Во-первых, все акции были, в отличие от действительно коммерческих, частных банков, размещены среди 4 тысяч отдельных кредитных и ссудно-сберегательных кооперативов и 300 кооперативных союзов, объединяющих огромное количество мелких кооперативных ячеек. В этих организациях числилось до 20 миллионов крестьян-кооператоров. Это были их деньги, на которые никто не имел право покушаться даже с самыми благими намерениями. Основной капитал Московского Народного банка равнялся 10 миллионам тяжело, огромным трудом заработанных народных рублей, и его предполагалось увеличить со временем до 30 миллионов.

Во-вторых, разберемся, кому производил выдачи Московский Народный банк. В портфеле банка не было ни одного векселя частного лица и частного промышленного предприятия. Свою помощь Московский Народный банк оказывал лишь трудовой кооперации, причем в самом строгом смысле этого слова. Банк не выдавал кредитов товариществам, где по уставу предусматривался обязательно небольшой пай, боясь оказать помощь нетрудовым объединениям, так называемым «лжекооперативам».

Теперь посмотрим, к каким последствиям для всей системы крестьянских ссудно-сберегательных и кредитных кооперативов России *привел захват ленинцами Московского Народного банка*. В условиях, когда страна в результате преступно-халатной экономической политики Временного Правительства и первых экономических непродуманных мероприятий Советской власти переживала в начале 1918 года невиданный продовольственный кризис, Московский Народный банк как мог отдалял надвигающуюся продовольственную катастрофу. Ведь именно Московский Народный банк кредитовал всю продовольственную организацию страны. Из 300 миллионного своего баланса (а это было 55–57% всего продовольственного баланса страны) Народный банк 225 миллионов отдавал этим кредитно-кооперативным организациям, которые только *благодаря этой поддержке* не допустили прекращения подвоза хлеба в центр России из Сибири и Украины и *не допустили голода еще в 1917 году*, для которого тогда имелись все предпосылки.

Значительную услугу оказывал Московский Народный Банк расстроеной за период конца 1917 – начала 1918 года кредитной операции, которая выжила к началу – середине 1918 года только благодаря ему. Московский Народный банк сумел не только привлечь в кооперативы, несмотря на потрясения конца 1917 года, большой приток новых клиентов, но и также сумел организовать лавочно-распределительную систему среди населения, в первую очередь средних и ма-

¹ Вестн. мелкого кредита. – 1918. – № 7. – С. 67–69.

лых городов России. Работа вопреки насаждаемому из Москвы большевиками в ноябре – декабре 1917 года – начале 1918 года экономическому хаосу была организована таким образом, что не было того бесцельного стояния в хвостах и очередях, которое наблюдалось весной 1918 года везде и всюду¹.

Назовем главные негативные последствия ликвидации большевиками Московского Народного банка. Во-первых, только через Московский Народный банк производилась операция по заготовке семенного овса для всей северной половины России в общем количестве 720000 пудов. Когда летом – осенью 1918 года началась уборка овса и в декабре 1918 года было необходимо вывезти из производящих губерний 2500000 пудов этого хлеба, ликвидация Московского Народного банка привела к тому, что собранный овес был расхищен, преступно реквизирован на «нужды Гражданской войны» и не попал для обсеменения по назначению. Вот где были заложены предпосылки голода 1921 года!

Точно так же за неимением средств ссудно-сберегательными и кредитными кооперативами приостановились всякие покупки семян ячменя, ржи и других злаков (необходимость которых для хлебопроизводящих губерний составляла 500–800 тыс. пуд.). Рухнул весь план снабжения населения минеральными удобрениями, средствами борьбы с вредителями и болезнями сельского хозяйства, так как они закупались на 95% при посредничестве Московского Народного банка за границей на суммы до 15 миллионов рублей. Последствия этой диверсии были ликвидированы только к 1925 году.

Была полностью прекращена покупка листового и строевого железа для ремонта сельскохозяйственных машин и для строительства, и это случилось тогда, когда деревня «сидела без единого гвоздя». Последствия этого трудноописуемы. Прекратились поставки в сельское хозяйство уборочных машин (жаток, косилок, молотилок) и шпагата – всего того, что закупалось при посредничестве Московского Народного банка в Америке. Приведем следующий пример: в октябре 1917 года в США при посредничестве Московского Народного банка было закуплено 50 тысяч жаток, а деньги в результате ликвидации банка остались неперечисленными, то есть изъятыми на другие, «более необходимые нужды». В результате столь необходимые сельскому хозяйству жатки в Россию так и не попали. Совершенно приостановились операции по экспорту, настолько необходимому для восстановления существующего расчетного баланса. Когда наступил момент сдачи льна кооперативами и союзами России, разгром Банка разрушил эту операцию, а следовательно, *главнейший источник получения золота из-за границы*. Были полностью приостановлены операции союзов смолокурных и лесорубочных артелей, возникших при непосредственном участии банка. Срыв поставок леса за границу привел к тому, что сгнило 500 тысяч кубометров леса, доставленного в Архангельск и предназначенного к поставкам за рубеж. Был уничтожен важнейший источник поступления золота для России. Иначе, как экономической войной против собственного народа, действия большевиков было трудно квалифицировать².

¹ Кооперация и жизнь. – 1918. – № 2. – С. 36–38.

² Там же.

В журнале «Союз потребителей» лидеры российского кооперативного движения резко негативно отреагировали на национализацию Народного банка, особо указав на то, что «...потребительские общества, кустарные артели, сельскохозяйственные ссудо-сберегательные товарищества, отдельные крестьянские товарищества лишились необходимого им разумного кредита». По их мнению, «оторвать Народный банк от кооперации – это значит разорвать живое тело на части»¹.

На схожей позиции находятся и современные исследователи кооперативного движения в период «военного коммунизма». Так, оценивая пагубные последствия ликвидации большевиками Народного банка, Н.Н. Зеленская считает, что «...тяжелейшим ударом по деятельности кооперации была национализация Московского Народного Кооперативного Банка – финансового центра потребительской кооперации (декабрь 1918 г.), вклады счета которого к моменту национализации достигали 700 млн. золотых рублей»².

Кредитные кооперативы в своей работе, чтобы как-то выжить, в качестве денег стали использовать наиболее дефицитные товары (соль, спички, керосин, ситец, хлеб, махорка и т. д.). Подобные явления наблюдаются также в Казанской и Самарской губерниях. Хотя власти и пытались перевести все расчеты, проводимые кредитными кооперативами, в безналичную форму, проводить взаимопогашение задолженностей, производить все расчеты только через финансовый отдел ВСНХ, эти полумеры эффекта не дали, и финансовый кризис не был преодолен, деятельность кредитной кооперации практически была остановлена³.

Волна погромов 1917 – начала 1918 гг. в значительной степени коснулась дореволюционной кооперативной торговли. Ведь большинство кредитных и ссудно-сберегательных кооперативов имели по одной или нескольких лавок в селах. В Симбирской губернии, например, было разграблено большинство кооперативных лавок, расхищены товары, принадлежавшие кредитным товариществам и находившиеся на их складах. Так, 26 октября 1917 года, на другой день после совершения Октябрьского переворота, в Симбирске солдатами местного гарнизона, подстрекаемыми темными преступными личностями, был учинен повальный разгром магазинов, учреждений и частных квартир, от разгрома не уцелели также помещение и склад Симбирского союза кредитных и ссудо-сберегательных товариществ: мебель и вся обстановка уничтожены совершенно, товары и книги растащены и найдены впоследствии в разгромленных магазинах, а некоторые даже за пределами города в растрепанном состоянии. Негораемый шкаф на следующий день был при вскрытии сильно помят, имеющаяся наличность расхищена, пишущие машинки похищены⁴. При этом в разграблении кооперативной собственности приняли участие и созданные неизвестно кем и когда вооруженные отряды⁵.

¹ Судьбы Народного Банка // Союз потребителей. – 1918. – № 37. – С. 67–68.

² Зеленская Е.Н. Из истории советской кооперации в годы НЭПа. – М., 1995. – С. 78.

³ Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). Ф. 732. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 16.

⁴ Государственный архив Ульяновской области (ГА УО). Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 109.

⁵ ГА УО. Ф. 897. – Оп. 2. – Д. 6. – Л. 17.

Центральная власть большевиков насаждала на местах бесправие и беспредел, прямо отразившийся на положении местной кредитной кооперации. Вопиющий случай произошел на станции Баландо Саратовской губернии. В ноябре 1917 года прибывшей на станцию в сопровождении отряда красногвардейцев группой большевиков был тихо, келейно при отсутствии всякого голосования создан новый Совет, куда вошли сами прибывшие и несколько крестьян, поддавшихся на их уговоры. На другой день он начал «действовать». Его действия выразились в том, что вооруженные красногвардейцы опечатали лавки двух кредитных кооперативных товариществ, объявив все, что в них находится, и сами помещения «реквизированными в пользу трудового народа». Немедленно собралось объединенное правление, на собрание которого явились практически все жители станции и окрестных сел. Толпа потребовала снять печати с лавок и восстановить их нормальную работу. Положение сложилось угрожающее, поэтому сельсоветчики быстро сняли печати и ретировались. Однако на другой день, получив подкрепление из города, они развернули массированную агитацию против «прокулацкого Правления». Его дни были сочтены¹.

Однако, несмотря на все трудности, кооперация Среднего Поволжья продолжала работать. Пыталась в тяжелейших условиях разрухи, усилившейся после прихода к власти большевиков, работать и Самарская кредитная кооперация. Почти во всех товариществах района деятельности Союза ощущалась острая нужда в хлебе и семенах; в районах Кобельменского и Дубово-Уметского товариществ был хлеб, но не было средств для его закупки у населения и проведения государственной заготовки.

Кооперативы пытались наладить связи с соседними регионами, чтобы обеспечить население Симбирской губернии хлебом. Так, жители Бобровской волости путем самообложения добровольно собрали до 56000 рублей для покупки хлеба в Уфимской губернии, однако закупить его им не удалось, так как закупленный хлеб конфисковали заградительные отряды, выставленные большевиками. В результате крестьяне, члены кредитного товарищества, остались без хлеба и денег. Все дело кооперативной заготовки хлеба было *загублено большевиками*, так как на обращенную в местные продовольственные управы просьбу членов правления кредитных товариществ определить, какое количество необходимо заготовить, кооператоры не получили вразумительного ответа. Они также не получили разрешения на проведение хлебозаготовительных операций. Союзом Самарских кредитных обществ в целях еще одной попытки договориться с властями о проведении хлебозаготовок были избраны уполномоченными члены правления Союза А.И. Верень и М.С. Самарцев. Труд и расходы означенных уполномоченных оплатило Правление. Расходы Союза по закупке хлеба так и не были возвращены властями, поэтому были проведены по другим статьям. Операции по закупке для населения сельскохозяйственных машин и орудий, в виду неопределенности положения рынка, были полностью прекращены².

¹ Кооперация и жизнь. – 1917. – № 3. – С. 38–39.

² Самарский Земледелец. – 1914. – № 14–15. – С. 488–450.

Практически до лета 1918 года большинство крепких кредитных и ссудно-сберегательных кооперативов в регионе сохранилось, однако они до минимума свели свою деятельность до «наступления лучших времен». На оставшиеся наличные деньги, которые не «сгорели» в банках, были закуплены и складированы товары, наличность была спрятана либо роздана пайщикам, инвентарь, имеющийся на складах, который не подвергся разграблению, был роздан по дворам. Правления периодически собирались для того, чтобы оказать помощь членам товарищества в случае чрезвычайных обстоятельств за счет товарищеских средств¹.

Однако наряду с объективными трудностями, с которыми пришлось столкнуться руководству кредитной и ссудно-сберегательной кооперации, весной – летом 1918 года возникли *субъективные сложности*, прямо обусловленные социально-экономической политикой, проводимой властями. Симбирский Союз Кредитных товариществ одновременно с другими кредитными учреждениями: банками, обществами взаимного кредита, государственными сберегательными кассами² – подвергся разгрому, который учинили пришедшие к власти большевики.

Однако нельзя однозначно заявить о том, что *вся кредитная кооперация отвергла большевистскую политику*. Большевики, понимая всю важность кооперативного движения как крестьянского, предприняли все усилия для того, чтобы привлечь на свою сторону *верхушку кредитно-кооперативного движения*. И в начале 1918 года им это в значительной мере удалось. 20 февраля 1918 года состоялось заседание Кинель-Черкасского районного съезда Советов, в котором принимали участие делегаты, избранные Бугурусланским и Бузулукским уездами. Он состоялся исключительно и благодаря поддержке руководства Кинель-Черкасского Союза кредитных обществ, которое в основном прочно встало на большевистские позиции. Съезд в целом, а также правление Союза, практически полностью присутствовавшее на съезде, поддержали упразднение частных торговых предприятий и введение в каждом селе и деревне общественных кооперативных лавок. Было постановлено упразднить все частные торговые предприятия, как мелкие, так и крупные. В чем же тут дело? А все дело в том, что кооперативные лидеры руками большевиков попытались устранить своего злейшего конкурента – частную торговлю, о чем свидетельствовали дальнейшие события. После этого съезда в Бугурусланском и Бузулукском уездах все товары, принадлежащие мелким коммерсантам, отбирались в порядке реквизиции, если стоимость этого товара не превышала 1000 рублей; в противном случае товар отбирался в порядке конфискации с рассмотрением на общих собраниях местных Советов, что, в принципе, было одно и то же³. Было решено также «немедленно и в спешном порядке» произвести реорганизацию кредитных товариществ и все дела таковых вместе с капиталом передать Комиссарам Финансов при Советах. По мнению организаторов съезда, ссуда должна была вы-

¹ ГА УО. Ф. 193. – Оп. 1. – Д. 116. – Л. 145–146.

² Там же. – Л. 108.

³ Кооперативная жизнь. – 1918. – № 3. – С. 36–38.

даваться «только остро-нуждающимся и каждый раз с разрешением Советов». «Крупные вклады должны быть конфискованы, а мелкие обеспечены»¹.

Зимой – весной 1918 года многие кредитно-финансовые и ссудно-сберегательные кооперативы подверглись повторным повальным экспроприациям, которые власти оправдывали «сложной общественно-экономической ситуацией». На складах оставшихся еще после погрома 1917 – начала 1918 года наиболее эффективно работающих до революции товариществ прошли массовые обыски и было отнято различного спрятанного товара на миллионы довоенных рублей. Ходили по домам бывших членов правлений товариществ и рядовых членов и даже там экспроприировали все понравившееся имущество, имевшее «добротный» вид. Однако продать его и выручить деньги руководители губернии не могли, так как железнодорожный транспорт не работал, а местное население купить товар было не в состоянии².

Отмечено очень много фактов произвола со стороны государственных органов, верховодящих на селе. В Казанской губернии имели место факты активного вмешательства в дела кооперативов со стороны комбедов, когда те по своему усмотрению изымали понравившееся им имущество, помимо воли членов правления смещали неугодных им председателей, назначая на их место своих ставленников. Подобные факты имели место во многих кантонах. Часто кооперативы оказывались беззащитными перед произволом, творимым местными властями. В Казанской губернии нередко имели место случаи, когда военные власти реквизировали волевым порядком имущество кооперативов. В результате проводимой политики кредитная кооперация, как видно на примере Казанской губернии, в 1919–1920 гг. пережила значительный упадок (см. диаграмму 1).

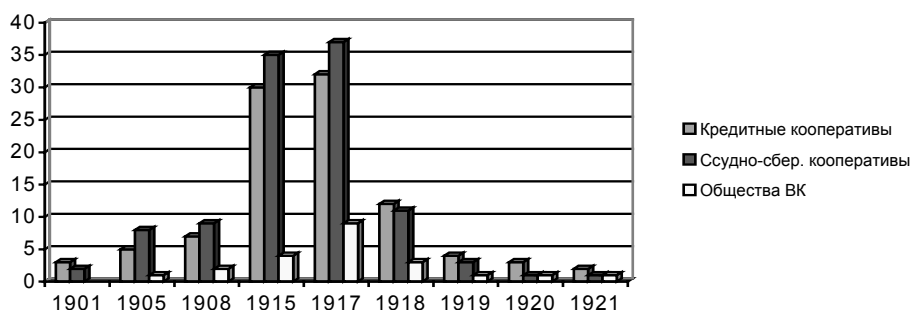

Диаграмма 1. Динамика изменения численности ссудно-сберегательных, кредитных кооперативов, обществ взаимного кредита в Казанской губернии (Татарской АССР) в период с 1901 по 1921 гг.³

Из приведенной диаграммы видно, что наибольший рост кредитная и ссудно-сберегательная кооперация переживала в период первой мировой войны и в годы Февральской революции, когда ее деятельность практически не изменилась, а сама кооперация продолжала развиваться. «Военно-коммунистические

¹ Кооперативная жизнь. – 1918. – № 3. – С. 37.

² Там же. – С. 122–123

³ Составлено по данным: НА РТ. Ф. 2352. – Оп. 1. – Д. 869.

преобразования» привели состояние кредитного кооперативного движения в полный упадок, так как число реально работающих кредитных кооперативов не превышало 5–6, а число обществ взаимного кредита с 9 уменьшилось до 1.

Катаклизмы 1917–1919 гг. самым негативным образом отразились на состоянии кредитно-финансовой кооперации. Свидетельством этому является увеличение суммы остатка на вкладах в 1919 г. по сравнению с 1917 г., что в условиях усиливающейся инфляции 1918–1919 гг., когда все стремились снять свои деньги со счетов и обналичить их, говорит о том, что местные власти заморозили деньги, находящиеся на вкладах кооперации. По сумме выданных ссуд в 1919 году отмечается их сокращение более чем в 7 раз по сравнению с 1917 годом также при сопутствующей инфляции, что говорит о том, что ссуды практически никто не брал.

Наибольшие темпы снижения деятельности кредитно-финансовой кооперации приходится на период 1919–1920 гг., когда правящим руководством страны был принят курс на ее ликвидацию. Номинально возрастающие цифры, отражающие кредитно-финансовую деятельность кооперации, не свидетельствуют о реальном положении дел, так как не учитывают возрастающую инфляцию. Если учесть оборот 1917 года в 1660089 рублей и с учетом инфляции 1921 года сравнить с показателями денежного оборота этого года, то снижение его уровня окажется более чем в 75 раз. Если в 1914 году ссудно-сберегательными товариществами было заготовлено около 1.5 млн. пудов продуктов, то в 1918 году – только 864200 пудов.

Таким образом, по средневожской кредитной кооперации в результате политики большевиков был нанесен страшный, разрушительный удар, от которого в годы НЭПа она так и не смогла полностью оправиться.

Summary

R.A. Mukhamedov. Crediting and saving-and-loan cooperation of the Middle Volga Region in the period of “Military Communism” Policy (1918–1920).

The article deals with the principal problems of crediting and saving-and-loan cooperation movement during the Civil War in Russia. The research reflects the specifics these cooperatives in the period of disorganization in the country’s economic life. The article views the activity of the government organs in the Middle Volga Region in the conditions of Military communism managing principles being applied in cooperation movement.

Поступила в редакцию
14.08.07

Мухамедов Рашит Алимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры регионоведения и международных отношений факультета гуманитарных наук и социальных технологий Ульяновского государственного университета.